

Николай Уранов

ВПЕРЕД И ВЫШЕ

Стихи и поэмы

Николай Уранов

Вперёд и выше

СТИХИ И ПОЭМЫ

Содержание

ПОЭМЫ		В соборе	30
Майя	4	Оплот верности	31
Рассказ Марии Магдалины	15	Вечная битва	31
ПЕСНЬ СЕРДЦА		Страна дерзаний	32
Решение	20	Подвиг	32
Беглец	20	Смерть	33
Вперёд	20	Легенда	34
Серому	21	Вперёд и выше	34
Распятие	21	Счастье	34
Удары	21	На смерть Патриса Лумумбы	35
Заклятье	22	Падший	36
Придёт!	22	В этот вечер...	36
Песнь сердца	22	ЛЕБЕДЬ НА СИНЕЙ ВОДЕ	
Пенители вод	23	Мой альбом	36
Единственная в мире	23	Кто же знал?	37
Север	24	Итог	38
Гонец	25	Любимой	38
Родина	26	Зеленым глазам	39
Без Родины	27	Случайная встреча	39
Любовь к Тебе	27	На яхте	40
Единая цель	28	Что я для вас...	40
Сатурн	28	Два поезда	40
Венера	28	Отплытие	41
Приказ	29	Перед портретом	41
В тайге	29	Ночью	42
Пусть всё сгорит...	30	Последняя встреча	42
Огонь позади	30	Опавшая листва	43

Так просто и ясно	43	Победа	50
Альбом	44	Стихи о тебе	51
Романс	44	У подножия ели	52
Снимок	45	Вечная молодость	52
Первый поцелуй	45	Устремление	53
Расплата	46	Утешение	53
На реке	46	Лебедь на синей воде	53
В рощах	47	Вот я умру...	54
Портрет	47	Что год грядущий нам	
Встреча	49	готовит...	54
Семидесятый день	49		
В десятый раз	50		

Любовь и творчество, пронесенные через годы

Имя Николая Уранова, одного из выдающихся последователей Учения «Живой Этики», уже знакомо читателям по журнальным публикациям и по книге его философских очерков и эссе «Огненный подвиг» (Н.Уранов. «Огненный подвиг», в 2-х частях, Москва-Рига, 1995), в предисловии к которой приводится краткая биография автора.

В настоящий сборник вошли стихотворные произведения, написанные Н.Урановым в разные годы, практически, на протяжении всей его жизни. Сборник составлен уже после ухода автора его женой, другом и единомышленником – Лидией Ивановной Урановой (Зубчинской). Он состоит из трех разделов. В первый вошли поэмы «Майя» и «Рассказ Марии Магдалины. Апокрифическая легенда». Во втором разделе – «Песнь сердца» собраны стихи, которые можно отнести к философской и гражданской лирике. Третий раздел – личная лирика – «Лебедь на синей воде». Внутри каждого раздела стихи размещены в хронологическом порядке; в тех редких случаях, когда год написания точно установить не удалось – он отсутствует.

Заключительный раздел естественно распадается на два периода: до и после 1944 года. Первый этап поэтически пронизан острым ожиданием любви, поисками подруги жизни – для него характерен мотив разлуки с возлюбленной, повторяющийся в разных вариантах, в котором, вероятно, отразились как реальные переживания, так и предчувствия предстоящих событий. Во втором цикле нашли отражение выпавшие на долю автора как светлые чувства, так и тяжелые испытания. Счастье обретенной настоящей любви («Встреча», 1944), горечь насильственной разлуки («Семидесятый день», 1945, «В десятый раз», 1955) и радость вновь засветившейся надежды («Победа», 1955).

Прекрасные, высокие, нежные и чистые чувства, пронесенные автором через всю жизнь, питаемые высоким творчеством и питающие его, («Лебедь на синей воде», 1967) могут быть вдохновляющим примером для ищущих и

любящих сердец. Сборник заканчивается стихотворением «Что год грядущий нам готовит...», которое можно отнести как к личной, так и к философской лирике.

Мы надеемся, что стихи Н.А.Уранова найдут отклик в сердце читателя, заставят задуматься о самых главных, самых насущных проблемах Бытия, помогут в разрешении возникающих жизненных проблем.

Гиндилис Л. М.

ПОЭМЫ

Майя

Восточная легенда

Сияло солнце золотое
Над грозной горною грядой,
Где пики в небо голубое
Врезались белою парчей.

А там, где пропасти синели,
Где стлали тени облака,
Вползала в трещины ущелий
Змеей серебряной река.

На берегах её светлели
Заплаты редких деревень,
Где жизнь качалась, как качели,
Из царства сна в кипящий день.

Там люди смертные родились,
Они трудились и, растя
Детей, старея, уходили,
Не вникнув в тайну Бытия.

Но здесь, в заоблачных высотах,
Среди снегов, на глыбах скал,
В тяжёлых огненных заботах
Учитель мудрый пребывал.

Сегодня у своей пещеры,

Где в гости ждут лишь облака,
В глубокий смысл старинной веры
Он посвящал ученика.

На подвиг чела* посылая,
Он говорил ему о том,
Как обольщает души майя**
На плане тонком и земном.

Он говорил ему: «Ты молод,
Но любишь подвиги святых,
Изведал ты духовный голод,
Но бойся майи молодых!

Но бойся чувство неземное
С любовью низкою смешать.
И пламя вечное, святое
На дым и пепел променять,

Пылает мир огнем мятежным
И ждет тебя, а ты готов?»
С вершин струился чистый, свежий,
Прохладный аромат снегов.

Их благородное дыханье
Коснулось чела:
«На словах Всё ясно мне, но пониманье
Жизнь проверяет на делах.

Мне кажется, я понимаю,
Твои слова, как снег, свежи,
Но если, вдруг, я встречу майю,
Как распознать её, скажи?

Когда враги одолевают
И рвутся бешено вперед,
Я щит духовный поднимаю
И знаю – пламя их сожжёт.

Но если вкрадчиво и нежно
Проникнет майя в сердце мне,
Как распознать мне неизбежность
Её сгорания в огне?

Я знаю – время всё сжигает,
Что несжигаем только дух,
Но чем мне встретить силу майи,
Как на неё надеть узду?»

* Чела – ученик.

** Майя – иллюзорность проявленного мира. – Прим. ред.

«Ты лишь недавно из Пралайи*
И не окреп ещё в борьбе,
В чём сила и в чём слабость майи –
Я помогу понять тебе!

Я знаю, в чём твоё сомненье,
На чём нога твоя скользит,
Но прежде с гор спустишь в селенье
И там мне хлеба попроси».

Пройдя отвесными горами,
К реке спустился древний путь.
Усталый чела, сев на камень,
Решил немного отдохнуть.

Издалека звучало пенье,
Шептались листья на кустах,
Звенела музыка теченья,
Шипели струи на камнях.

И где-то в зарослях прибрежных
Перекликались звон цикад
И голоса синичек нежных,
Шумел далёкий водопад.

Оставив ухо на дозоре,
Дремал всё глубже ученик,
Огонь сознания гас во взоре,
И даже сон уже возник...

Вот он плывёт... И мутны воды,
И небо в тучах всё... Как вдруг,
Внезапно в музыку природы
Ворвался новый странный звук.

Он нарастал... И скоро топот
Услышал ясно ученик,
Как-будто бы на берег кто-то
Из леса мчался напрямик.

* Пралайя – отдых, период бездеятельности, сон.

Всё ближе шум, вот рядом, слева
Трепещут ветви, слышен хруст!..
«Должно быть, зверь!» – подумал чела
И отошёл за ближний куст.

Свались ему на лоб комета,
Он был бы меньше поражен.
Он ждал всего, но лишь не это,
Не это – странное, как сон...

На берег в платье подвенечном
Ворвалась девушка! Она
Была прекрасна – бесконечно!
И совершенно сложена.

И снова приступ изумленья:
Она, сверкая красотой,
Сорвала платье, украшенья –
И растоптала их ногой!

Она бы лучшим изваяньем
Могла быть в храме Красоты,
Но отчего таким страданьем
Искажены её черты?

И отчего струятся слёзы?
Куда она бежит, куда?
И чьи зловещие угрозы
За нею гонятся сюда?

Но перед ним сверкало тело,
Такое встретишь только раз!
И что ему теперь за дело
До слёз, струящихся из глаз!

И вот, в слезах, не замечая
Туманным взором ничего,
Она прошла совсем нагая,
Чуть не задев плечом его...

Как сердце бешено стучало,
Когда дрожа, боясь вздохнуть,
Смотрел он жадно, как качалась
Высоко поднятая грудь.

Она ускорила движенье...
Вот берег... волны... лёгкий крик.
И только в это лишь мгновенье,
Очнувшись, вздрогнул ученик.

Еще мгновенье – он в потоке!
Он ищет тело под водой...
Здесь воды быстры и глубоки,

И хладны даже в летний зной.
Ещё мгновенье – и усилъя
Его увенчаны – она
В его руках, он чует крылья!
Она – бесчувственна, бледна...

Ещё мгновенье – и на сушу
Ступает он, едва дыша.
Он вместе с телом спас и душу!
Стремит восторг его душа.

Он был, как ангел состраданья,
Когда, упавши на песок,
Чтоб привести её в сознание,
Он делал всё, что знал и мог.

Когда же губы заалели,
И водопад волос просох,
Он, наконец, добился цели –
И услышал глубокий вздох.

Взметнулись крылья чёрной птицы
Над голубой зарницей глаз,
Сверкнули длинные ресницы:
«Кто ты? Зачем меня ты спас?!»

И вспыхнул вновь, пьянея, чела.
«Она не видит наготы!..
Какая грудь, какое тело!»
Подумал он, смотря в кусты.

«Но что гнетёт её?.. О, Боже!
Любовь, конечно! У такой
Свободным сердце быть не может!
Не по пути ей, друг, с тобой!»

И отрубив соблазн с размаху,
Сказал: «Я чела, друг людей».
И сняв, ей протянул рубаху:
«Возьми, надень её скорей».

И вспыхнув алою зарницей,
Схватив предложенный покров,
Она метнулась быстрой птицей
И скрылась в зелени кустов.

Но, постепенно, как туманы
Сгорают в золоте лучей,

Её смущенье путник странный
Прогнал сердечностью своей.
«Скажи мне, что с тобою было?
Ты где живёшь? Тебя как звать?
Спросил он с ласковою силой:
Скажи, я всё смогу понять!»

«Ты очень юн, красивый, чела,
Мне странно звать тебя «отцом»
О, как бы я теперь хотела
Пойти, как ты, за мудрецом!

Я точно вся в тенетах тины
Иду трясиной болот...
Уйти бы в горы, на вершины,
Где глыбы скал, где снег и лёд!

Но, я не то сказать хотела...
Меня назвали Майя. Я...
Но, отчего ты дрогнул, чела?
Что это имя для тебя?»

Струило солнце позолоту
По черно-синим волосам...
«Нет, ничего, я вспомнил что-то,
А что – не знаю даже сам»...

«Недалеко здесь есть селенье,
Там я жила. Отец и мать
Однажды приняли решение –
Меня богатому продать.

Мне нравился другой, но беден
Мой милый был. А тот горбат,
Уже в годах, и худ, и бледен –
Зато известен и богат!

Тогда я милому сказала:
«Бежим, иначе утоплюсь!»
Но, он любил, должно быть, мало,
А, может быть, был просто трус.

«Смиримся! – он сказал мне, плача,
Всё воля Неба и Судьбы!..
«Удар был страшен. Но задача
Сама решилась без борьбы.

Тогда была я так убита

И так в душе оскорблена,
Что согласилась, и защита
Теперь мне стала не нужна.

Жених мне присылал подарки,
Один другого всё щедрей,
Мерцало золото в оправе
Огнем сверкающих камней.

А в сердце боль, как от кинжала!
Как опалённая огнем,
Я ночи долгие рыдала –
И улыбалась горько днём.

И вот он свадебное платье
Прислал мне. Грозный час пришёл,
Но ненавистные объятья
Я предпочла объятьям волн.

За час до свадьбы я бежала
Под шум собравшихся гостей.
И это платье разорвала
И затоптала блеск камней».

Метнулись загнутые стрелы
Ресниц от набежавших слёз,
И взор её казался чела
Мерцанием огромных звёзд.

Река неистово шумела,
Как будто требуя отдать
Ей Майю. «Нет! – подумал чела,
Ей Майи больше не видать!

Пусть надо мной смеются люди,
Я никому её не дам!
И, если кто-то нас осудит,
Уйдём к нетающим снегам!»

И Майя вдруг к нему, как к брату,
Прижалась нежно, чтоб сказать:
«Спаситель мой, любую плату
За жизнь мою ты можешь взять!»

Вдруг стая птиц, шумя, взлетела,
Услышав топот многих ног.
«Они идут! Ты слышишь, чела?!
Нет! Лучше броситься в поток!»

Но он привлек её в объятия:
«Нет, мы пойдём сейчас назад,
И там, где бросила ты платье,
Узнаем, что они решат».

Сквозь бурных вод звенящий рокот
К ним долетали голоса,
И нарастали крики, топот,
Как будто близилась гроза.

Дрожа, как лист, впилая Майя
В нагую грудь его, как нож.
Дрожал и он, не сознавая,
Что не от страха эта дрожь...

Толпа нахлынула. «Здесь платье!
«Смотрите, платье! Боже мой!»
Неслись и крики, и проклятья,
И горький плач, и жалкий вой.

«Убийцы! Кто самоубийцы –
Кто юной девушки палач?» –
Взрывались крики: «Кровопийцы!
Отец и мать! К чему ваш плач?»

«О, люди! Если бы мы знали,
Что всё так кончится! Но мы –
Мы только счастья ей желали,
Нам блеск богатства сжёг умы.

Как мной была она любима!
И как любила её мать!
Но, смерть, увы, непоправима...
И что теперь нам обещать!

Но появись она меж нами,
Клянусь бессмертною душой,
Клянусь бессмертными Богами –
Я б стал навек её слугой!

Клянусь, я каждое желанье
Её стремился б претворить.
Я б сделал всё»... Но тут рыданья
Отцу не дали говорить.

Тогда сказала мать, стеная:
«Но, если б знали я и он,
Что всё так кончится, о, Майя!

Твой выбор был бы наш закон!»

«О, ужас! – Майя прошептала, –
Моим бы мужем стал тот трус?!»
«Кто это?!. Что она сказала?!.
Здесь кто-то есть... Бежим! Боюсь!»

Толпа от страха разбежалась...
Упала мать. Один отец
Стоял, как камень, и казалось...
Но он очнулся, наконец:

«О, дочь! О, Майя! Посмотрите!..
Она жива!!!» «Да, это так.
Я спас её. Благословите...
Благословите нас на брак!»

Но горе, радость – всё проходит,
Всё чередуется... И вот,
На свадьбе чела, в хороводе
Собрался радостный народ.

И всё пошло, как песнь по нотам:
Безумье счастья первых дней
Сменилось ревностью к заботам
И воспитанию детей.

С тех пор, как ученик женился,
Он всё сильнее забывал
Всё, чем он жил, к чему стремился,
И чем горел, и чем дышал...

Жена рожала и полнела,
Вещами заполнялся дом.
Мошна с деньгами тяжелела
И пополнялась с каждым днём.

Цвели и радовали дети,
Вокруг детей плелись мечты...
Спросила: «Счастлив ты?» Ответил:
«Счастливей нет! Скажи, а ты?»

«Нет на земле меня счастливей!»
Вздохнула ласково жена,
А за окном цветами сливы
Пылала третья уж весна...

Отец гордился зятем новым
И часто брал с собой, когда

Путём гористым и суровым
Возил товары в города.

И вот, однажды возвращаясь,
Свершив немало добрых дел,
Внезапно чела крикнул: «Майя!»
Отец запнулся, побледнел.

Где прежде было их селенье –
Лежали угли да зола...
Здесь совершилось преступленье
И торжество большого зла.

Среди развалин, еле тлевших,
Раздался тихий, хриплый крик –
У трупов полуобгоревших
Свалился замертво старик.

Рыдая, черепком от склянки
Рыл чела ямы для могил...
И обгоревшие останки
К губам и к сердцу подносил...

Потом, в безумном исступленье
Кричал: «Где вы?!» И ждал ответ...
Нет! Все мертвы. К чему сомненья?..
Конец всему. Любимых нет!

Настала ночь, и ветер колкий
Его свалил с усталых ног.
Вблизи завыли где-то волки...
Средь туч мелькнул кровавый рог.

Холодный ветер бил золою,
В кольцо сбегались огоньки
Зелёных волчьих глаз, и в вое
Зловеще лязгали клыки.

И чёрный ужас в душу чела
Змеей холодной заползал...
«Конец всему! Достиг предела
Мой мозг. О, Боже, я пропал!»

И морда страшная напротив
Разверзла яростную пасть!..
«Конец, – мелькнула мысль, – для плоти,
Но дух не может так пропасть!»

И в этот миг, во тьме, далёко,

Вдруг засветился странный Лик,
Знакомый в дни, когда жестоко
С судьбою бился ученик.

И громкий крик рванул до неба
Зловещую, глухую ночь:
«Учитель! Ты!? Ты просишь хлеба?»
И, взвизгнув, волк умчался прочь!

И Лик, приблизившись, склонился,
Закрыв собою небосклон:
«Вставай, мой сын, тебе приснился,
Судя по крику, страшный сон».

Вскочил с земли смущённый чела
И тут же радостно сказал:
«Так, значит, Майя не сгорела?!
Детей никто не убивал?!»

«О, нет, мой сын, идя в селенье
И зная, будет трудным путь,
Ты, с моего благословенья,
Решил прилечь и отдохнуть.»

И улыбнулся: «Из Пралайи,
Вернув сознание своё,
Теперь ты знаешь силу майи
И слабость тайную её!

Спускаясь с гор, уча народы,
Пойдёшь ты свежим, молодым,
Благословив цветок Природы,
Ты не удержишься над ним!

Теперь ты знаешь корень боли
И корень счастья – выбирай:
Возьми свой меч свободной воли
И, с гор спустившись, побеждай!»

31.12.60 г.

Рассказ Марии Магдалины

Апокрифическая легенда

Огромный город выглядел усталым –
Он измерял свой возраст по векам.
Пылали зноем древние кварталы,
Где спали днём, а жили по ночам.

На их окраине была моя «обитель»,
Где фонари струили красный свет.
Я там жила, когда пришёл Учитель
В последний раз запечатлеть Завет.

На рынке рядом торговали кожей,
Ободранными трупами зверей.
В кварталах наших продавали тоже
Живые трупы с кожами людей.

В наём позорный отдавая тело
И души вместе с телом заодно,
Здесь множество фонариков горело,
Здесь пили страсть, как скверное вино.

Да! Здесь мы торговали самым низким,
Но торг порою веселил и нас –
Здесь человек нам становился близким
Не навсегда, а только лишь на час.

И это даже радовало, реже
Я час хотела превратить бы в год,
И в годы (может быть), но чаще скрежет;
Зубов и ужас искривлял мой рот.

В «обитель» часто приходили гости –
Чудовища, уроды, старики,
И, навалившись, сдавливали кости,
Как грязные и смрадные тюки.

И вот, однажды, к нам пришёл мужчина.
Красив и статен, умное лицо.
Не так, как все – какая-то причина
Его послала на моё крыльцо.

Не ради кубка пламенной отравы
Пришёл он к нам, не для ночных потех,
Он был философ, изучавший нравы,
Мы говорили с ним о Красоте.

Он новый мир открыл передо мною
И показал сияющую высь.
«Какое счастье быть его женою!»
Пронзила сердце ласковая мысль.

Всю ночь, почти до самого рассвета,
Он был со мной – и я была пьяна!
За много лет лишь только встреча эта
Вскружила голову без ласк и без вина!

Потом весь день я не спала, не тело,
Нет, что-то выше не давало спать.
Ждала я ночь, я так тогда хотела
Хотя б на миг увидеться опять.

Он не пришёл ни в эту ночь, ни в десять
Ночей других, и всё пошло, как встарь.
Велела снова я на дверь повесить
На время снятый розовый фонарь.

Но с этих пор всё стало мне не мило,
Не радовало больше ничего...
Однажды, как-то, на дом я ходила
И, возвращаясь, встретила его.

К нему рванулась я неудержимо,
И, вдруг, улыбка съёжилась в оскал –
Не дрогнув, он прошёл спокойно мимо
И сделал вид, как будто не узнал!

Я несколько мгновений не дышала,
Как будто в сердце бедное моё
Вонзил он лезвие огромного кинжала,
И боль пылала: «Он не узнаёт!»

Ушла в толпу знакомая одежда.
Была я просто не в своём уме!
И рухнула последняя надежда
На что-то светлое, последнее во тьме.

Стояла я, как будто бы нагая,
В цепях позора принимая суд.
«Кто виноват, что ночью обладая,
Встречаясь днём, они не узнают?»

Не злобными, но горькими слезами
Смочила я свой розовый платок.
«Кто виноват? Мы виноваты сами!

И он иначе поступить не мог!»

Но никогда я так не сознавала,
Как велико падение моё.
И это было грозное начало
Душевных бурь, преобразивших всё!

Мой мир, что он? Как на задворках лужа,
Где некого и нечего любить,
Где впереди лишь беспросветный ужас...
И встал вопрос: так для чего мне жить?

Я стала думать: вот живут же люди,
Одни довольны, потому живут.
Другие думают, что счастье будет,
Но в чём же счастье, если все умрут?!

Чего же ждать? Ведь можно не дожидаться.
Да и дожидаться – значит потерять.
К чему же мучиться, зачем сражаться,
Когда везде, на всём – одна печать!

Умрёт богатый так же, как и бедный,
И красота, и молодость пройдут.
Ход времени один лишь всепобедный
Нам говорит – живущие умрут!

Нет ничего вне власти разрушенья,
Мне жизнь без смысла больше не нужна!
И в тот же миг я приняла решение –
И яд вложила в кубок для вина.

Но в доме не было вина, и в лавку
Пошла я медленно вдоль улицы... как вдруг,
За поворотом увидала давку:
Толпу и множество больных вокруг.

Я сразу догадалась, в чём тут дело:
Пришёл Пророк! О Нём уже давно
Так много говорили. Я хотела
Его увидеть – помогло вино.

Он был далёк и долетали глухо
Обрывки слов Его последних фраз:
«Придите все, страдающие духом,
Придите все – Я успокою вас!»

И этого достаточно мне было –
В Его словах, не позволявших пасть,

Была такая огненная сила,
Такая убедительная власть!

Потом Он встал и исцелил болящих,
Он дух стремил, как мощная река!
И я сказала: «Он из Настоящих,
Один из Тех, которых ждут века!»

Толпа меня оттиснула к ограде.
«Любуешься на чистенький кристалл?»
Я вздрогнула и оглянулась – сзади
Стоял философ, тот, что не узнал.

Толпа нас стиснула, но близость эта
От слов его мне стала лишь мерзка.
Когда-то он принёс мне искру света,
А сам на Солнце смотрит свысока.

«Не кажется ли, милая, что прежде
Всех исцелённых научил играть
Пророк за плату сходную, в надежде
Через обман успех себе стяжать?»

Вид у Него довольно величавый...
Вот подойти, поговорить бы с Ним.
Что хочет Он: богатства или славы,
Занять престол или разрушить Рим?»

Сказала я: «Что ж, подойди, наверно,
Ответит Он!». «Найдутся подлецы
И донесут! Быть на примете скверно!
К тому ж и знать осудит, и купцы.

К таким, как Он, приходят только тайно.
Да, странен этот для меня мудрец...
А все же власть Его необычайна
Над множеством бесхитростных сердец!

Ушел философ, не простившись даже,
Исчез народ, избавленный от зол,
Сверкнули шлемы подходящей стражи.
Учитель встал и медленно пошел.

И я подумала: Он избегаем тоже!
К Нему приходят тайно по ночам,
А днем не узнают!.. Так что же,
Пойду к Нему и руку Ему дам!

Скажу при свете солнца, при народе:

«Смотрите, вы соединили нас –
Высокое и низкое в природе
Встречаются при солнце и при вас!»

Я надушила волосы и тело,
Достала самый лучший свой химат,
Из смиренной ожерелие надела,
Пошла к Нему, как в море, наугад.

Искала я недолго – у колонны
Сидел Он среди нищих рыбаков.
В простой холстине, строгий, устремленный
Как голубь, кроток и, как лев, суров.

То вся горя, то тут же холодея,
От грозных чувств, бушующих в груди,
Я встала молча, подойти не смея,
И ужасаясь, дрогнувши, пройти.

Нас улица всего лишь разделяла,
И шёл народ. Не поднимая глаз,
Прошло знакомых мимо нас немало,
Прошло немало, избегая нас.

Мгновенья эти жизнь мою решили:
С учеником, прощая, видно, всё,
Он мне послал щепоть дорожной пыли
В обмен на ожерелие моё.

«Из пыли, смолотой веками,
Могу создать Я огненный кристалл,
А из камней, сверкающих страстями,
Лишь только пыль». – Так Он сказал.

Он – времени полёт. Он – вечное движенье,
Я в Нём живу, и Он живёт во мне,
Он всех зовёт на крест преображенья,
На воскресение сожжённого в Огне!

Так я нежданно стала ученицей,
Отпала грязь, преобразилась гниль.
И мысль взметнулась огненной птицей,
И цепь позора разлетелась в пыль!

6.01.61 г. (Сочельник)

ПЕСНЬ СЕРДЦА

Философская и гражданская лирика

Решение

Твой облик на бездне Небес
Светилом горит необорным
Владыка, дойду ли к Тебе?
Пройду ли над пламенем чёрным?

Не знаю! Но лучше сгореть,
Чем знать и к Тебе не стремиться
И может ли Солнцу не петь
Свободная певчая птица!

1933 г.

Беглец

Уходят к небу золотые волны,
Горят огнем песчаные холмы.
И ты идёшь, надеждой окрылённый,
Уйти от мира, от соблазнов тьмы.

Но ни любовь, ни ненависть не стынут –
Они все тут – лишь разомкни глаза.
И лишь сильнее в безмолвии пустыни
Звучат беззвучно те же голоса.

Уже не раз ты умирал от жажды,
И львы рычали... Но, влюблённый в ложь,
Ты всё идёшь, чтобы понять однажды,
Что от себя – ни шагу не уйдёшь!

1933 г.

Вперёд

Много ли надо? Немного!
Посох, мешок сухарей,
И улыбнётся дорога
Синей улыбкой своей.

Кончится сырость колодца,
Свежесть, простор впереди...
Ах, как ликующе бьётся
Новое сердце в груди!

Там, где знамена Востока
 В небе вздымают восход,
 Где-то далёко, далёко
 Ждет меня счастье. Вперёд!
 1936 г.

Серому

Как гончий пёс идёт по следу,
 Так серый враг идёт за мной,
 Но рано празднует победу
 Его злорадствующий вой.

Как только он достигнет меры,
 Я обернусь... и вот, светла,
 Пойдёт к тебе ОДНА лишь, серый,
 Неотразимая стрела!

1939 г.

Распятие

Пылает мир самовлюблённый
 Огнем страстей, но грозен рок.
 Вздыбились тучи, как драконы,
 И чертит молнии Восток.

И близок, близок час расплаты..
 Но мир безумьем ослеплен,
 И скорбен Лик Его распятый
 На тяжком золоте икон.

Но крылья духа над тобою –
 Ты будешь дерзок и, любя
 Его, пойдёшь Его стезёю
 И, как и Он, распнёшь себя.

25.11.1940 г

Удары

От ударов не станем печальней
 Губы сжав, мы отгоним печаль.
 Пусть же молот о грудь наковальни
 Закаляет духовную сталь.

И тогда, кто стоит непреклонно,
Кто незыблем и твёрд, как гранит,
Тот увидит во мраке сгущенном,
Как горят от ударов огни.

Так под натиском бешеной своры
Мы всё ближе подходим к черте,
За которой бескрайни просторы,
И просторы ведут к Красоте.

Бей же, бей же, помощник наш ярый!
Сыпь удары на сердце, как град:
Мы ведь знаем, как ценны удары,
Мы ведь знаем, КУДА нас теснят!

1940 г

Заклятье

Пусть сокрушают земное
Молнии чёрных гроз,
Но не коснётся злое
Огненно-чистых роз!

1940 г

Придёт!

Не дремлет вездесущий
Творец преград и мук,
Но знает путь идущий
К Владыке своему.

Пусть лоб в рубинах крови,
Пусть душит дымный мрак –
Ничто не остановит
Его победный шаг.

Стоит преграда грозно,
Но путь один, вперёд!
И рано или поздно,
Но он к Нему придёт!

1940 г.

Песнь сердца

Кто скажет Солнцу, чтоб не светило?

Кто против сердца поднимет плеть?
 Да разве в мире найдется сила,
 Чтоб запретила бы сердцу петь?!

Так мчись же песня, лети, как птица.
 Лети всё выше, вперёд лети!
 Промчись, как ветер, сквозь все границы,
 Как свет, пролейся на все пути!

Низвергнись с кручи потоком горным,
 Пронзи пространство, как звёздный луч!
 Пылай, как факел, над миром чёрным,
 Сверкай, как Солнце, в разрывах туч!

Зови к вершинам, зови к дерзанням,
 Зови на подвиг, на бой зови.
 И затопи весь мир сияньем
 Всепобеждающей ЛЮБВИ!

1940 г.

Пенители вод

Рожденные жить на просторе
 И вечно стремиться вперёд,
 Выходят в открытое море
 Пенители яростных вод.

Стихает напутствие чаек,
 И ширится грудь парусов,
 И смелая песня встречает
 Рычание грозных валов.

«Пусть ветры восставшие мечут
 Навстречу нам бешенство вод –
 Вперёд! Ураганам навстречу,
 Навстречу стихиям – вперёд!»

Поднявшись над силою плоти,
 Они никогда не умрут.
 И, если их море поглотит,
 То, всё же, они доплывут!

1940 г.

Единственная в мире

Несокрушимым знаком постоянства,

Непобедимым знаменем в борьбе
 Вне времени и вне границ пространства
 Горит звезда, ведущая к Тебе.

И с каждым днём я ощущаю резче,
 Что Ты – вся жизнь, что лишь Тебя любя,
 Тобой одной моя душа трепещет,
 И сердце бьётся только для Тебя.

Всё затопив, всё разливаясь шире,
 Как цепь плотин прорвавшая река,
 Растет Любовь – единственная в мире,
 Из тьмы веков летящая в века.

1940 г.

Север

Север, стремящий сиянья
 Веером стрел огневых,
 Слава, вписавшим названья
 В карту просторов твоих!

Там, где не знали равнины
 След от обутой ноги,
 Бились о синие льдины
 Белые птицы пурги.

И, поднимаясь навстречу,
 Пели вам злобно: «Куда?!
 Сломят судьбу человечью
 Крепости звонкого льда...

Стойте, безумные! Вьюги
 Вас погребут среди льдов,
 Разве не ждут вас подруги
 У золотых очагов?!»

Да... Только жгучие ветры
 Видели, как среди мук
 Шли вы, как малые метры
 Рвали у смерти из рук.

Вас останавливал холод,
 Ртуть превращающий в лёд,
 Но, точно огненный молот
 Сердце гремело: «Вперёд!»

В ночь, когда вьюга лишь выла,
 В чёрный провал, без пути –
 Что за великая сила
 Вас заставляла идти?!

Что вас из тихих селений
 От очагов и подруг
 Ринуло в бездну лишений,
 В крик торжествующих вьюг?

Слава ли, золота ль кроха?
 Нет, не за пыль суеты
 Вы до последнего вздоха
 Шли до последней черты.

Нет, не бывает случайна
 Воля такая в Пути –
 Это Великая Тайна
 Вас заставляла идти.

К Тайне, к Сияньям идущим
 Подвиг ваш, многих поверх,
 Светит, как самый зовущий,
 Самый влекущий пример!

Злоба – не та ли же стужа?
 Тупость – не крепче ли льда?
 Всё же, идущим сквозь ужас,
 Не повернуть никогда!

Всем, полюбившим сиянья,
 Всем, не смотрящим назад,
 Крыльями были страданья,
 Лестницей – льдины преград!

Север, стремящий зарницы,
 Всем, устремленным к тебе,
 Вехами будут гробницы
 Павших в священной борьбе!

1940 г.

Гонец

Ведущий, спасительный факел
 Утоплен в кровавом вине...
 И снова зловещие знаки
 Горят на дворцовой стене.

Но ядом хулы и неверий
Отравлены храмы сердец...
И грозно в закрытые двери
Стучится Последний Гонец.

В угаре нелепого пира
Не слышат безумцы Гонца,
Но кто-то для Нового Мира
Пойдёт послужить до конца!

Но кто-то во имя Завета
Поднимет свой пламенный щит,
И знамя победного Света
На новом дворце утвердит!

Родина

Чужа зодчества рок небывалый,
Из времён поднимался народ.
Поднимался, как новые скалы,
На поверхность бушующих вод.

Но, идущий в пучины забвенья,
Старый мир, он однажды хотел
Отобрать его знамя спасенья,
Погубить его славный удел...

Семь столетий их память хоронит,
Но мы помним, в котором году
Меченосцев разбитые брони
Загремели по алому льду.

Все мы помним, как в яростном визге,
Налетевши на грудь москвичей,
Расколосся в кровавые брызги
Грозный вал азиатских коней.

Помним день колокольного звона,
Когда радость звенела в сердцах,
Когда с древнего русского трона
Рухнул в бездну зарвавшийся лях.

Все мы помним, как баловень славы,
Утомившись от счёта побед,
Налетевший на камень Полтавы,
Опрокинулся раненый швед.

И ещё один гений незванный,
Под снегов отрезвляющий хруст,
Шёл от нас со смертельной раной
Покоривший полмира француз.

И теперь мы увидим воочию,
Как дерзнувший ступить на Восток,
Разлетится, разорванный в клочья,
Растоптавший Европу сапог!

Обожжённая огненной лавой,
Обагрённая кровью святой,
Ты пойдёшь, озарённая славой,
И народы пойдут за тобой!

22.06.1941 г.

Без Родины

В тот грозный день к Парижу подползала
Лавина крови, стали и огня.
Мы встретились в толпе гудящего вокзала,
Мой друг – француз остановил меня.

Его глаза смотрели так тревожно,
Как слово «смерть» он произнёс: «На фронт»,
О если было бы и мне возможно
Пойти на смерть за Родину, как он!

О, если б мог и я себе позволить
Принять венец за Родину в бою...
И я завидовал ему до боли,
Я, потерявший Родину свою...

11.08.1942 г.

Любовь к Тебе

Любовь к Тебе ведёт меня
Всё выше, выше – на вершины.
Она стремительней огня,
Неудержимее лавины.

Но в дымной суете забот,
В чаду неистовом, в рутине
Она – покой глубоких вод,
Она – безмолвие пустыни.

Она зажжёт восторгом дух,
И победит безумье плоти.
И я дойду к Тебе, дойду!
Хотя б весь мир поднялся против!

5.10.1942 г.

Единая цель

Пусть битв уже было немало,
Пусть много побед за спиной,
Но это лишь только начало
Великой стези боевой.
И много, мучительно много,
Ещё не испито до дна,
Но в жизни одна лишь дорога,
И цель в этой жизни одна:

За радость Любви без предела,
За светлую встречу вдали –
ПОБЕДА НАД СИЛАМИ ТЕЛА,
ПОБЕДА НАД ВЛАСТЬЮ ЗЕМЛИ!

1.06.1943 г.

Сатурн

Всё то, чем дышим и живём,
Всё то, что ныне сердце ранит,
Когда-нибудь ненужным станет;
Мы все когда-нибудь умрём!

Идёт Сатурн – суровый жнец,
Сверкает серп его устало.
И всё, имевшее НАЧАЛО,
Он обрекает на КОНЕЦ!

1955 г.

Венера

Уже не трогают ни золото, ни страсть,
Уже и слава, как удушье чада...
И всё, что может мне Хозяин* дать,
Теперь уже мне ничего не надо!

А по утрам, предвосхитив восход,

Цветёт на небе Огненная Роза...
 Я к Ней иду, Она меня зовёт,
 И он меня остановить не сможет!
 1955 г.

Приказ

(Огня, зажжённого в сердце)

Когда мы не спешим Туда,
 Пусть нас погонит кнут,
 Пусть нас преследуют всегда,
 Пусть нас всегда клянут.

Пусть ярче факел клеветы
 Нам освещает путь,
 Единый путь Туда, где Ты –
 И некуда свернуть!

Пусть нам грозят со всех сторон,
 Пусть стрелы бьются в щит,
 Пусть каждый злобой окружен –
 Путь кверху не закрыт.

И что нас может сбить с пути,
 Что остановит нас?
 Когда у каждого в груди
 Пылает Твой приказ!

Легко ли, трудно ли, но мы
 Должны идти всегда,
 Как, пламенея в бездне тьмы,
 Проносится звезда.

Пусть опадает прах одежд –
 Горит приказ в груди,
 Горит надежда всех надежд –
 Приказ Твой нам – ДОЙТИ!

19.11.1960 г.

* Хозяин Земли

В тайге

Колонны кедров держат небосвод,
 Здесь запах смол душистее, чем ладан,
 Здесь тихий храм – здесь ничего не надо.

И так далёк тяжёлый мир забот.

1958 г.

Пусть всё сгорит...

Пусть всё сгорит, чтобы опять из пепла,
Как феникс древний, возродиться вновь,
Чтобы пылала, ширилась и крепла
В ста ликах форм ЕДИНАЯ любовь!

Огонь позади

Уже весь мир объят пожаром,
Уже весь мир горит в огне.
И каждый миг, пропавший даром,
Сравнится с жизнью по цене!

Огонь спешит, и нет спасенья!
Открыт вперёд лишь путь один –
Не упуская ни мгновенья,
Идти к сиянию ВЕРШИН!

Идти вперёд и гнать усталость,
Упавши, встать и вновь идти,
Идти, во что бы то ни стало:
ОГОНЬ И ГИБЕЛЬ ПОЗАДИ!

23.11.1960 г.

В соборе

После сделки, прошедшей счастливо:
«О Тебе не забыл я, зажёл
Трёхрублёвую свечку. Спасибо,
Что наградить мне, Боже, помог».

Нет свечи его толще, дороже –
Значит, святость его велика!
И не знает всевидящий Боже,
Что свеча та из слёз бедняка.

Что же в благости, даже соборной,
«Не обманешь и здесь не продашь».
Пусть Лицо неподвижное скорбно,
Но довольным уходит торгаш.

И пылает свеча перед Ликом,
Свечка подлости ярко горит,
И молчит пригвождённый Владыка,
Золотыми гвоздями прибит.

Если ж скажет, купец не услышит,
А услышавши, разве поймёт,
Что зовёт Он стать каждого выше,
Что Он всех устремляет вперёд!

1.12.1960 г.

Оплот верности

«Служитель правды сокровенной, –
Спросил раз царь, увидев знать, –
Как различить гнездо измены?
И верности оплот узнать?»

«Вот, посмотри, – мудрец ответил, –
Ты видишь сборище вельмож
В одежде праздничной – вот эти
Хранят за пазухой нож.

А вот идет один. Сомнений
Не знает он, как и забот
Что одиночеству изменит ?
В нем будет верности оплот!

С тех пор всеильный повелитель,
Усвоив верности урок,
Что преподавал ему Учитель,
Стал, как и путник, одинок.

5.12.1960г.

Вечная битва

Сраженье сменяет сраженье,
Неведомо слово «покой».
И это лишь только крещенье
Из боя идущего в бой.

Ни отдых, ни мир невозможны,
Когда наше сердце горит.
И меч не спускается в ножны,
И вечно в готовности щит.

И нет лучшей участи в мире!
И крылья вздымает восторг.
Все выше, все выше и шире
Вокруг безграничный простор.

И если в нем вечны сраженья,
И нет завершённых побед,
То нет и венца пораженья –
В борьбе разгорается Свет!

5.12.1960г.

Страна дерзаний

Огромной радугой в туман тысячелетий
Пролёт твой путь из глубины времён.
Тебе, Великой, тесно на планете,
Средь лунных гор твой вымпел водружен!

Россия, Родина, Страна Дерзаний,
Из курных изб, из мрачных рудников
Выходишь ты, разламывая грани
Одной планеты, на простор миров.

Идя вперёд в железном постоянстве,
Творя ракеты, быстрые, как свет,
В конце концов, ты учредишь в пространстве
Коммунистический союз планет.

Нас не сдержат, не пробуйте, напрасно!
Мы не отступим, знайте, никогда!
Пока не станет жизнь везде прекрасной –
Не станет красной каждая звезда!

12.12.1960 г.

Подвиг

Принять огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей –
Пройти через толпу чудовищ,
Между гирлянд шипящих змей.

Когда любое проявление
Им недоступной доброты,
Невежды сделают мишенью
Для самой злобной клеветы.

Когда коварный и преступный,
Святым себя считая сам,
Как тень при свете, неотступный,
Враг устремится по пятам.

Когда пригретый лаской нежной,
От бед спасённый столько раз,
Придёт предатель неизбежный
Продать нежданно, в грозный час.

Скажу я: «Нет таких чудовищ,
Чтоб запретить душе моей
Принять огонь Твоих Сокровищ
И озарить сердца людей!»

13.12.1960 г.

Смерть

К чему все вздохи сожалений,
К чему стенания и плач?
Умрёт глупец, умрёт и гений,
Умрёт и жертва, и палач!

И ты умрёшь, как триллионы
Ушли, уходят и уйдут,
И даже сонмы нерожденных
И то, когда-нибудь умрут.

К чему же слёзы и проклятья,
К чему все клятвы «не забыть»...
Мы ж рады сношенное платье
На платье новое сменить?!

Да, грусть разлуки мне знакома,
И жаль несбывшихся надежд,
Но всё же смерть – лишь смена дома,
Лишь смена сношенных одежд.

Она – начало, обновление,
Полёт к несбыточной мечте!
Непобедимое движенье
К недостижимой Красоте!

18.12.1960 г.

Легенда

Двенадцать молчали, молчал и Учитель.
Вдали голубел Назарет.
И был нестерпимым, как ярый мучитель,
Сияющий солнечный свет.

Едва волочились усталые ноги,
Коробились линии губ.
Шли молча, пока у извила дороги
Не встретили скрюченный труп.

И тотчас взметнулись за фразою фраза:
«Какой отвратительный вид!»
«Какое зловонье!» «Какая зараза!»
«Как страшны пустоты орбит!»

«В какую гримасу распалися губы!»
«Как страшен ввалившийся нос!»
«Какие красивые белые зубы!»
Сказал, улыбнувшись, Христос.

20.12.1960 г.

Вперёд и выше

Всегда вперёд! Вперёд и выше!
Возьми и так неси свой крест.
Пусть только этим смыслом дышит
Твой каждый вздох и каждый жест.

И если сеятель сомнений
Тебе шепнёт: «Остановись!»
Умножь ещё своё стремленье:
«Всегда вперёд и только ввысь!»

И каждый груз, давя на тело,
Лишь выше поднимает дух,
И нет конца, и нет предела
Того, к чему я так иду!

21.12.1960 г.

Счастье

Огромный храм манил в прохладу тени,
Пылали камни, жар был так велик.
Учитель сел устало на ступени,

И опустился рядом ученик.

Молчали долго, каждый что-то думал,
А мимо шли прохожие, и вдруг
Спросил Учитель: «В чём причина шума?
Куда спешат идущие вокруг?»

«Не знаю, Гуру, – ученик ответил,
Но погадать, пожалуй, я готов:
Вот этот согбенный, несущий сети,
Быть может, к берегу спешит на лов.

А этот франт, быть может, на свиданье.
К ребёнку мчится молодая мать...»
«Людей ведёт или боязнь страданья,
Или желанье счастье испытать.

И как различно это счастье! Часто
Для одного на нём сошёл свет,
А для другого это лишь несчастье,
И часто говорят, что счастья вовсе нет.

А счастье есть, как Солнце есть, но люди
Так часто Солнца отражённый лик
За Солнце принимают на посуде,
На лужах грязных, на концах у пик.

Зарывшись в землю, глаз не поднимая,
Бредут, как свиньи, люди наугад,
А наверху Источник Сил сверкает!
Но вверх никто не поднимает взгляд»...

22.12.1960 г.

На смерть Патриса Лумумбы

Примчалась весть – и дрогнули народы.
(А всем казалось, что готовы к ней!)
Погиб герой, пал мученик свободы
От грязных рук кровавых палачей.

Гремит история бесстрастным приговором,
Чего достигли палачи, чего?
Покрыв себя неслыханным позором,
Они бессмертным сделали его!

Настанет час, волною возмущенья
Народы Африки сметут проклятый гнёт.
«Лумумба» – станет символом отмщенья,

И этот час уже сегодня бьёт.

Придёт пора – и над его страной,
Бросая тень на чёрный континент,
Поднимет время памятник герою
Из мрамора сияющих легенд.

15.02.1961 г.

Падший

Он мог быть Богом,
Этот жалкий чёрт,
Который был
Таким, как ты сегодня.

Он не достиг
Снегов великих гор –
И оборвался
В бездну преисподни.

23.0.3.1963 г.

В этот вечер...

И этот вечер больному в притоне
Он последние деньги отнёс.
И тогда, говорят, на иконе
Улыбнулся распятый Христос...

ЛЕБЕДЬ НА СИНЕЙ ВОДЕ

Лирика

Мой альбом

Всё пройдёт! За весною и лето,
Незаметно зима подойдёт.
Где я буду? Неважно, но где-то
Я вдруг вспомню о том, что пройдет.

Я вдруг вспомню о юности бурной,
И, достав запылённый альбом,
Возвращусь из пустыни Сатурна
В сад весенний, в свой утренний дом.

И повеет от снимков прохладой,
Горным воздухом, запахом хвой.
И деревья зелёной громадой
Зашумят, как тогда, надо мной.

Зашумят, затоскуют, как прежде,
Как любил я их вкрадчивый шум.
Точно кто-то шепнул о надежде,
О свершенье несбыточных дум.

Или же о легенде, гремящей
Сталью лат, освещенных огнем,
О тайге, уже мне не шумящей,
Мне расскажет мой старый альбом.

Профиль тонкий, как фризия, нежный
Мне напомнит о ласковом дне,
О любви моей первой, безбрежной,
О моей отзвучавшей весне.

И откроется снова страница,
И с неё из промчавшихся дней
Улыбнутся забытые лица
Моих первых весенних друзей.

Как зелёная листьев стихия,
Обгоревши в мечтах голубых,
Разлетимся мы, бледно-сухие,
По ветрам неизвестной судьбы.

1932 г.

Кто же знал?

Всё, что сердце желало, в тот вечер
Я устами прочел на устах.
И любовь налетела, как ветер,
Облетевший цветы на полях.

И тогда небывалая нежность,
Подхватив сумасшедшей волной,
Понесла наши души в безбрежность,
И сказал я: «Любимая, твой!»

И ответ прозвучал, точно звоны,
Точно звоны серебряных струй:
«Я твоя!» И уже раскалённый
Наши губы обжёт поцелуй.

И тогда показалось – отныне
 Ты моя до последней черты:
 А вверху на полях тёмно-синих
 Расцвели золотые цветы...

Кто же знал, что судьба так жестока,
 Что в цветах этих молнии гроз!
 Что ты станешь далёкой, далёкой –
 Дальше самой далёкой из звёзд.

Кто же знал, что кольцом незнакомца
 Осквернится родная рука,
 Что лишь сердце, горящее в солнцах,
 Пламенеет над бездной века!

1932 г.

Итог

Не легко мне так жить, сознавая
 С пробуждением каждого дня,
 Что ты лживая, чёрствая, злая –
 Никогда не любила меня.

Но ещё тяжелее поверить,
 С облаков к этой правде сойти,
 Что мы встретились просто, как звери,
 На исхоженном древнем пути.

Но спасибо, что Ты потушила
 Грозный бунт, закипавший в крови –
 Что мечтать Ты меня научила
 О другой – Настоящей Любви!

1933 г.

Любимой

За один только взгляд, родная,
 Всё отдать, всё принять я рад:
 Пожелайте – дойду до рая,
 Прикажете – отправлюсь в ад!

Рыцарь верный, в броне из стали,
 Я огнем ваших глаз зажгусь,
 И куда бы вы ни послали –
 Я победы везде добьюсь...

Если ж я не вернусь из ада –
 Пусть умрёт на груди у вас
 Самый нежный цветок из сада,
 Где мы встретились в первый раз.

1933 г.

Зеленым глазам

В её глазах зелёных
 Таится страшный яд...
 О, как они бездонны!
 О, как они пьянят!

В них нежный голос бездны
 Так ласково зовёт,
 Но воля – танк железный
 Гремит: «Вперёд, вперёд!»

И землю содрогая,
 Давя вокруг цветы,
 Идёт броня стальная
 На приступ высоты.

Трепещет прах влюблённый,
 Но дух чеканит шаг.
 Прощай, дурман зелёный,
 Прощай, мой нежный враг!

1938 г.

Случайная встреча

Я сегодня отравлен, мне трудно
 Овладеть ядовитой тоской:
 Я сегодня на улице людной
 Повстречался, случайно, с тобой...

Он – весёлый, уверенный, грубый –
 Не заметил пролившийся яд,
 Но я видел, как дрогнули губы,
 Как метнулся твой огненный взгляд.

И, когда он придет со свиданья,
 Не поймёт, (как тебя не ревнуй),
 Отчего в эту ночь при прощаньи
 Был так холоден твой поцелуй!

1938 г.

На яхте

*Лейтмотив первой части
«Неоконченной Симфонии» Шуберта.*

Мчимся. Драконы туч
Летят навстречу – бой наш близок!
С гребней хрустальных круч
Нас осыпает жемчуг брызг.

Парус – крыло мечты!
Напряжены, как струны, снасти,
Тесно прижалась ты,
Глаза твои поют о счастье ...

Юность, ты хороша!
Ты, точно ветер, устремлённа,
Буря – твоя душа.
И пена волн – твои знамена!

Так бы лететь вперёд
Всю жизнь, забыв, что в бессильи
Рухнут в пучину вод
Твои сверкающие крылья!

1940 г.

Что я для вас...

Что я для Вас? Минутная забава,
Привороженная магнитом глаз.
Какое я на Вас имею право,
И что могу я требовать от Вас?!

Ни нежных слов, ни ласк, ни поцелуя,
Ни взгляда, сорванного набегу.
Всё ясно мне... И, все-таки, люблю я
И не любить Вас просто не могу.

1940 г.

Два поезда

Ты уезжаешь завтра. Солнце встанет,
И на вокзале соберётся люд.
Ты уезжаешь завтра. Как в тумане,

Гремя, вагоны предо мной пройдут.

Свисток... проклятый уходящий поезд
Умчит тебя в лазуревую даль...
Широкой шляпой я прикроюсь –
Скрыть слёзы, замаскировать печаль.

Жить – это ждать. Ждать терпеливо, молча,
Неделю, месяц, каждый день, как год!
О, сердце жадное! О, сердце волчье!
В нём никогда надежда не умрёт...

Что будет день, день жизни настоящей,
Рай на земле – осуществленный сон:
И поезд милый, поезд приходящий
Стальной походкой содрогнёт перрон!

1940 г.

Отплытие

Приказ пришёл – и вспыхнула печаль:
Разрыв с тобой, теперь, стал неизбежен..
А вечер синий, чистый, как хрусталь,
Был так задумчив, так прозрачно-нежен.

И вся душа, наперекор судьбе,
К тебе рванулась в пламенном стремленьи
Мне захотелось броситься к тебе,
Обнять, склонившись, детские колени.

Но подвиг звал! И зная, что люблю,
Что я любим, что счастье рвется в руки,
Я дал приказ – отчалить кораблю,
И образ твой предать пожару муки.

И ты не знаешь, даже, почему
Я променял твой берег на безбрежность..
Чтоб не отдать, теперь уж никому,
Одной тебе накопленную нежность.

Перед портретом

Опять звенят встревоженные нервы,
Смотрю опять, не отрывая глаз...
В который раз! И всё-таки, как в первый,
Как в первый раз, опять смотрю на вас.

Как взорванной звезды, на небе тёмно–синем

Ещё века потом горит погасший свет –
 Вы улыбаетесь на блекнувшей картине,
 Улыбкой той, которой больше НЕТ!

Всё кончено! Сверкнула и взорвалась
 Звезда любви, не одолев судьбы,
 Но на холсте, пусть блекнущем, осталась
 Улыбка глаз бессмертно-голубых!

1941 г.

Ночью

Перед ликом холодной
 Осенней луны
 Дремлет мир в безмятежном покое.
 Ты мне шепчешь: «Люблю»,

А глаза холодны,
 А глаза говорят мне другое.
 И так ясно, что время
 Весенних тревог

Не вернёт никакое искусство.
 Только раз расцветает
 Волшебный цветок
 Настоящего – первого чувства.

1942 г

Последняя встреча

Мы вновь прошли с тобой по тем аллеям сада,
 Где всё ещё хранит воспоминаний след,
 Чтоб в шорохе сухом, в шептаньи листопада
 Услышать отзвук чувств, которых больше нет.

Слетали листья к нам поблѣкшие, сухие.
 В последнем вздохе их торжествовала смерть.
 Мы тихо шли по ним, как будто бы чужие,
 Как будто вальс любви нас не сплетал, как смерч!

Как будто никогда в тѣмно-зелѣном шуме
 Не пели нам они о счастье столько раз!
 Как будто бы огнем несслыханных безумий
 Нас никогда не жгла безудержная страсть!

И шорохом листвы торжественно и глухо

Из глубины веков шептал Эклезиаст:
«Всё суета сует и лишь томленье духа!»
И больше ничего не связывало нас...

Июль, одиннадцатого, вечер,
Суббота, год сорок второй,
Последний день, последней встречи,
Такой нежданно-роковой!

Опавшая листва

Конец любви: она – жена другого!
И всё, что было – только сон во сне...
Иду в аллеях сада золотого,
Прощаюсь с той, которой больше нет!

И больно мне... Когда, вскипая пеной,
Цветов весенних хлынула волна
Такой огромной нежности! Изменой
Могла ли нам тогда грозить весна?!

Но ты сама – ты! Обессмертить клятвой
Хотела взрыв безудержных тех чувств!
Зачем тогда был так прекрасен взгляд твой?!
И так правдиво трепетанье уст?!

Ты, может быть, теперь довольна мужем,
И любящая (может быть) жена.
Я клятву верности хранил – к чему же
Теперь она, кому она нужна?...

Холодный ветер мчится по аллеям,
Пролётных стай несутся голоса,
И в золотых разрывах голубеют
Бездонной тверди мудрые глаза...

Конец любви! Она – жена другого..
О, проза клятв! О, мёртвые слова!
И шелестит о суете земного
В ногах моих опавшая листва...

1942 г.

Так просто и ясно

Так просто и ясно: когда расставались, любила,
И долго ждала ты и так тосковала порой...
Но боль притупилась, ты даже немного забыла...

А после, случайно, тебе повстречался другой.

Разлука, как ветер. Разлука – непрочное пламя,
Затушит и дым разнесёт, не оставив следа.
Она же раздует в пожар, пожирающий память,
И этот огонь не затушит никто, никогда...

Так просто и ясно: мне кажется, я улыбался,
И было спокойным пожатье разорванных рук,
И только лишь в сердце огонь бушевал и метался,
Как раненый зверь, обезумев от огненных мук.

А солнце смеялось! А солнце, как будто нарочно,
На розовых вишнях весенним восторгом цвело!
И было так ясно, что всё в этом мире непрочное.
Так ясно и просто, и, всё-таки, так тяжело!

1942 г.

Альбом

Любила, была ты любима и, всё же,
Ушла от меня далеко, далеко...
Альбом, запылённый, в истрёпанной коже,
Открыть его снова не так-то легко!

В нём память о том, что вернуть невозможно,
В нём память о том, что когда-то давно
Заставило биться тревожно, тревожно
Два сердца – два пламени, слитых в одно!

1942 г.

Романс

Пусть этот конец – неизбежность,
Пусть этот разрыв – навсегда!
Но Вас, воплощённую нежность,
Мне Вас не забыть НИКОГДА!

В зловещем, приглашенном свете,
Великих и грозных времён
Вы сердца коснулись, как ветер,
Навеявший ласковый сон.

И пусть как пожар, пламенея,
Над нами промчались года.
Тот сон никогда не развеять.
Мне Вас не забыть НИКОГДА!

Снимок

Когда я смотрю на поблекнувший снимок –
Из дали двенадцати лет,
Вы, точно живая, проходите мимо
И, кажется, времени нет!

И, кажется, снова идёте вы рядом,
В аллеях плывёт тишина,
И осени грустной, в пурге листопада,
Звенит золотая струна.

Звенит о любви, о разлуке, о смерти,
О том, что: «И это пройдёт!»
Я помню, тогда вы сказали:
«Поверьте, Как всё, ваше чувство умрёт!»

Услышать тогда это было так странно,
И голос звучал, точно бред...
Но грозные годы прошли ураганом...
И нет вас, и чувств этих нет!

И всё – только память, и всё так на свете...
И всё же от снимка порой
Исходит, вдруг, свежесть, – как утренний ветер,
В мой жаркий, полуденный зной.

16.6.43.

Первый поцелуй

Я снова здесь, где свет струится лунный
На старых троп заученный извив,
Где быстрых вод серебряные струны
Звонят о прошлом, о большой любви.

Я там иду, где ты не раз ступала.
И каждый знак ушедшего ловлю:
Когда-то здесь, у этого причала,
Услышал я ответное: «Люблю».

И здесь, в ветвях зеленокудрой ивы,
Что спит, склонившись, под журчанье струй,
Я в первый раз сорвал с тех губ стыдливых,
Как розу алую, твой первый поцелуй.

И вот обрыв... (как струи грустно шепчут),
В лучах последних он был так красив!
В лучах последних ты мне шла навстречу,
Как нимфа белая, среди зелёных ив.

Вот здесь ты подошла... Ты подошла проститься!
 (О, как был тяжёк твой упавший взгляд!)...
 И в книге встреч последнюю страницу
 Любви весенней дописал закат.

И смыла ночь огонь весенней краски
 Холодным звоном пролетевших струй.
 Но на губах, испивших столько ласки,
 Ещё горит тот – первый поцелуй!

Расплата

Торжественно, как венценосный гений,
 Исполнив мудрый, всеблагий закон,
 В червонной тоге, покидая трон,
 Сходило Солнце с голубых ступеней.

И к Солнцу, вдаль, натягивая снасти,
 Пошёл корабль по зыби золотой...
 День умирал – и умирало счастье:
 Он уплывал, любимая, с тобой.

Алел, сверкая, пламеневший запад,
 В руках твоих ещё цвели цветы,
 Ещё пьянил их (тот знакомый) запах,
 И в нём ещё, ещё дышала ты!

Но сердце знало, знало – без возврата
 Ты шла в закат, в кроваво-красный дым.
 Так вот она – нежданная расплата:
 Жить без тебя и быть всегда твоим!

На реке

Мчатся струи спокойно и плавно,
 Золотится песчаное дно...
 О, как всё это было недавно!
 О, как всё это было давно!

Ни любовь, ни мольба, ни проклятье
 Не вернули б нам счастье назад...
 Силуэт твой темнел на закате
 И по берегу шёл на закат...

А навстречу шла тень незнакомца
 И слилась, вдруг столкнувшись, с тобой,

И разбилось огромное солнце,
Отражённое там, за кормой.

Точно кровь за кормой клокотала,
Красной пеной вскипала вода...
Навсегда? Что-то дрогнуло, сжалось –
Затуманило мозг... Навсегда...

Мчатся струи спокойно и плавно,
Золотится песчаное дно...
О, как всё это было недавно!
О, как всё это было давно!

В рощах

О прошлом шепчет в этом грустном месте
Червонных листьев шелестящий звук...
Когда-то здесь мы разделили вместе
Так много радости... Так много мук!

В тенистых рощах, как огонь мятежный,
Как ветер южный, пронеслась любовь...
И в шуме листьев оживает нежный,
Твой нежный голос оживает вновь...

«Прощай, любимый!»... Нарастает грозно
Водоворот обиды и любви,
А сердце шепчет, что ещё не поздно!
Она уйдет! Скорей! Останови!

И чёрным ветром в грозовом стремленьи
Порыв к тебе взметнулся, закружил,
Он звал тогда остановить мгновенье,
Но, кто ж, когда его остановил?!

И вот – всё в прошлом. С каждым годом реже
Мой шаг тревожит тишину аллей,
Но образ девушки, такой весенне-свежей,
Всё так же чётко в шуме тополей!

Портрет

Как дрогнули руки,
Как память взметнулась:
Другая?...Нет! – тот же портрет.

С альбома чужого
Ты мне улыбнулась
Из дали промчавшихся лет.

И вспомнил я... вспомнил
С такую отрадой
Дыхание свежих борозд,

И воздух весенний,
Объятый прохладой,
И россыпи золота звёзд.

И в синюю ночь
Уходящий без края
Простор бесконечных полей...

Я вспомнил, как в звёздах
Летела, сгорая,
Призывная песнь журавлей.

И шёпот отрывистый,
Слёзы печали
И взгляд, обожжённый тоской...

Я вспомнил тебя!
В эту ночь мы прощались
Над древнею русской рекой.

А где-то вдали
Грохотали вагоны,
А где-то , один за другим,

На запад пылающий
Шли эшелоны,
Закутавшись в призрачный дым.

Суровые дни
Небывалой разрухи
Не вырвали памяти – нет!

Я вспомнил, как дрогнули
Бледные руки,
Как ты протянула портрет.

И образ любимый,
Тоской обрамленный,
В дыму затерялся тогда...

О, как было тяжело
Расстаться влюблённым
В весеннюю ночь, навсегда!

И хлынули годы
Потоками крови,

И нас разметало грозой...

Хозяин поднял
Удивлённые брови:
«Вы, разве, знакомы с женой?»

Упала на скалы
Подбитая птица,
Померк золотой небосклон...

Ей больше уже
Никогда не приснится
Заоблачно-солнечный сон.

Встреча

Как мог я думать, что другая
Тебя заменит! Не любя,
Как мог я жить! Тебя не зная,
Как мог бороться без Тебя!

Ища твой голос в море речи,
Знакомый свет во всех глазах,
Я знал – вся жизнь преддверье встречи
С тобой – единственной в веках.

И ты пришла! Ты не забыла!
Из тьмы веков ты вновь пришла!
И сердце снова мне пронзила
Любовь – звенящая стрела!

1944 г.

Семидесятый день

Тяжёлый крест стоит неотвратимо!
Семидесятый день без ласки, без огня.
Семидесятый день я без моей любимой,
Которая, как солнце, для меня.

Пусть далеко теперь невидимое солнце,
Пусть ночь теперь особенно темна,
Пусть смотрит мрак в разбитое оконце –
Всё чепуха – дождалась бы она!

О, тучи грозные непрошенных сомнений,
Как тяжкий газ, мешающий вздохнуть...
А вдруг она, распятому, изменит

И нож воткнёт в измученную грудь?!
 Холодный ветер рвется через щели
 И тихим воем разрывает тишь...
 О, ветер, ветер! Может, ты к постели
 С приветом к спящей, ветер, долетишь?!

Ты спишь сейчас вдали от чёрных ветров,
 Тебе не снятся даже и во сне
 Те тысячи ужасных километров
 И крест железный на моём окне!

12.11.1945 г.

В десятый раз

Опять, дохнув черёмухой с реки,
 В десятый раз весна проходит мимо!
 И опадают грустно лепестки
 С цветов, цветущих для моей любимой.

Но что с того, что десять лет во тьме?..
 Что нет вестей, нет писем, нет привета.
 Что я погибну, может быть, в тюрьме,
 И крик предсмертный не примчит ответа.

Нам все равно от встречи не уйти,
 Мы скованы нетленными цепями,
 Пусть в этой жизни разошлись пути,
 Но сколько новых жизней перед нами!

Что нам десяток раненых годов –
 Наш путь пролёт поверх земных страданий
 Пусть опадают лепестки цветов
 И устилают лестницу к Нирване!

20.05.1955 г.

Победа

Летели дни, а годы тихо шли...
 Стихала боль, но временами даты
 Будили память и так больно жгли
 Огнем такой чудовищной утраты.

О, пламя глаз, о, нежное тепло,
 О, сердца с сердцем слитое биенье
 Какое счастье мимо нас прошло
 И рухнуло в чудовищном крушеньи!

«Пропавшему без вести» никогда,
Никто не скажет о судьбе любимой!
И в неизвестности брели года,
И вёсны, (весны!) проходили мимо.

Так десять лет прошло, как сто веков.
И вот, однажды, в маленьком конверте
Пришло письмо, как тысяча громов!
Как воскресенье, поражение смерти!

И ночь без сна – и день за ней в бреду:
Я радостью невыразимой болен!
Звенит торжественно, священно: «Жду»,
Как перезвоны миллионов колоколен.

Скрепляет время множество знамён,
Капитулирует огромное пространство.
И я опять, как юноша, влюблён –
В увенчанную лавром постоянства.

1955 г.

Стихи о тебе

Не нужен мне прибор рукоплесканий,
Я чувств своих не вынесу к толпе.
Стихи мои – кристалл воспоминаний,
Запечатлевший правду о тебе.

Как древний маг, (он ближе всех поэту),
В полночный час, в тиши, наедине
Я воскрешаю канувшее в лету
И вновь живу в разбуженном огне.

Трепещут вновь угаснувшие чувства,
И вновь я вижу наяву тот сон,
Который магией священного искусства
В стихах моих навек запечатлен.

Ни временем, ни муками не выжечь
Их тонкой грусти ароматный яд –
Виденья прошлого – они нисходят свыше,
Цветут, благоухают и звучат.

Я их торжественность кощунством не нарушу,
Не брошу боль невыразимых мук
И радости, испепелившей душу,
На растерзанье плескающих рук!

1956 г.

У подножия ели

На смерть маленького друга
Там, где травы душистые пели,
Мчится пламя серебряных вьюг.
У подножья рыдающей ели
Кончен путь твой, мой маленький друг.

Так недавно ты радостно мчался
Здесь, по травам, во всю свою прыть!
Запах смол и черёмух мешался
И пьянил нас желанием жить.

И мы мчались, смеялись и пели
И казалось – ТАК БУДЕТ ВСЕГДА!..
Так казалось... А, ныне, метели
Заметают твой след навсегда...

Точно крест, распростёртые, взреяв,
Снова падают ветви к корням...
Спи спокойно – любовь обогреет
Твоё верное сердце и «ТАМ»!

18.11.1958 г.

Вечная молодость

Пылают листья золотым огнем.
В их шелесте предсмертное усилие...
А мы с тобой ещё чего-то ждем,
Ещё к чему-то простираем крылья.

И нам, быть может, как и им, пора
На отдых грустный?... Нет! Раз сердце бьётся,
Мы будем крылья к солнцу простирать!
Творить и петь, и строить, и бороться!

Пусть похоронно плачет листьев медь,
Пусть ветер рвет их и жестоко вертит –
Мы телом тоже можем постареть,
Но дух не знает ни морщин, ни смерти!

Как хорошо быть молодым всегда,
Всегда лететь, не опуская крылья!
И не считать ни жизни, ни года,
Чтоб никогда не сдаться в плен бессилья!

12.10.1960 г.

Устремление

Мой милый друг, товарищ нежный,
Любви стремительный порыв
Пусть разожжёт огонь мятежный,
Всю жизнь в стремленье превратив!

Пусть будем мы всегда в движеньи,
Всегда любить, всегда сверкать!
Всегда стремиться в наступленье –
И никогда не отступить!

Всегда пылать, всегда стремиться
Вперёд, в просторы, в высоту!
Чтоб даже умереть, как птицы,
Простёрши крылья налету!

1960 г.

Утешение

Громы затихли, погасли зарницы,
Радуга встала мостом.
В небо взметнулись весёлые птицы,
Снова мы к Солнцу идём!

Радуйся, радуйся! Светлые дали
Не застилает гроза...
Что же я вижу – полна ты печали,
И на ресницах слеза...

Да, ты скорбишь, оглянувшись на беды.
Милый мой спутник, поверь –
Не было, нет и не будет победы
Без неизбежных потерь.

1960 г.

Лебедь на синей воде

Как хороша безмятежность
Сонной воды в камышах.
И бесконечная нежность
В синих, как небо, глазах...

Здесь – в опрокинутом небе –

Плыть бы с тобою весь век...
Вдруг, на пути нашем лебедь,
Сказочный, белый, как снег.

Как он красиво стремится,
Крылья над пеной подняв!
Грёза любви, а не птица
Взвилась над зеленью трав.

Белым веслом разгребая
Синие волны небес,
Лебедь запел, улетаю,
И, затерявшись, исчез...

Было, прошло... и безбрежность
Льнет к одинокой ладье...
О, улетевшая нежность –
Лебедь на синей воде!
1967 г.

Вот я умру...

Вот я умру, как умер он когда-то.
Как ты... Как все рожденные когда-нибудь умрут.
И станет легче сна всё, чем была богата
И чем была бедна жизнь призрачных минут.

Но в мегафоне многих поколений,
Как гром растущий, имя зазвучит
Того, кто чашу, полную свершений,
Пронёс над бездной бережно, как щит.

Что год грядущий нам готовит...

Что год грядущий нам готовит?
Победу? Смерть? Такой же бой?
Ты знай – поверх любых условий
Любимый твой всегда с тобой!

Подняв свою любовь к вершине,
Как непреклонный монолит,
Он не предаст своей святыни
И честь твою не оскорбит.

Его любовь перетерпела
И гнёт сомнения в тиши,
И вопли жаждущего тела,

И одиночество души.

Она, как огненное знамя,
Вела, храня, как лучший щит,
Её негаснущее пламя
Ни жизнь, ни смерть не победит.

Пусть пульс замрёт, пусть рухнет тело,
Но разве пламя лишь в крови?!
Нет ни конца, и нет предела
Всепобеждающей любви.

Разлуки боль даст радость встречи,
Когда есть верность до конца,
И чем она надчеловечней,
Тем ярче блеск её венца.

Не всё ль равно, в каком там плане,
Когда и где – но вижу – вот:
Сквозь дым редующий страданий –
К нам радость яркая идёт.

Не всё ль равно, в каком там месте
Она нам даст на боль ответ!..
Как хорошо нам будет вместе,
Моё Тепло, мой нежный Свет!

Тогда подумай лишь, родная,
Деля и горе, и восторг,
Мы вновь пойдём, вдвойне пылая,
В неограниченный простор!

Вдвойне? А, может быть, стократно!
Неразлучимы с той поры,
Мы вступим в море необъятной
Любви, рождающей миры.

